

Кротость

Около славного города Багдада поселился пришлый человек. Его имя было Ахмет, но скоро все прозвали его:

— Озорник.

Он не давал пройти никому: ни мужчине, ни женщине, ни седому, ни кудрявому.

Бил детей, срывал с женщин покрывала и самых почтенных шейхов ругал так, что те чувствовали, словно попали в грязь, и им долго ещё казалось, что они идут по грязи. С ним не было сладу.

С одного богатого купца он сорвал чалму и обнажил его голову. А когда тот сказал ему:

— Как ты смеешь, — нищий, как пёс, — так поступать со мною, со мною, которому низко кланяются даже незнакомые?!

Ахмет-Озорник отколотил его так, что купцу пришлось пригласить самого лучшего костоправа. В другого почтенного гражданина он бросил камнем. А когда почтенный гражданин поднял этот камень, чтобы бросить в Ахмета, Ахмет-Озорник так отколотил его, что почтенный гражданин вместо того, чтобы идти по делам, вернулся домой и пролежал три недели. Отчего произошёл ему вред в делах и здоровье. Пробовали жители Багдада ходить с палками. Но Ахмет, который был сильнее всех, отнимал у них палки и их же палками бил их так, что они проклинали и палку, и минуту, когда им пришла в голову мысль взять палку. Пробовали ходить с оружием.

Но Ахмет-Озорник отнимал оружие и ранил людей чуть не до смерти.

И они проклинали и оружие, и минуту, когда им пришлось в голову взять оружие.

На базаре только было и разговоров, что Ахмет отколотил такого-то, оскорбил такого-то, чуть не убил такого-то.

Стали откупаться деньгами и делать Ахмету подарки, чтоб он не бил и не оскорблял.

А так как он делился деньгами со стражниками, обязанными охранять безопасность дороги для путников, то он и оставался безнаказанным. И делал, что хотел.

В отчаянии купцы на базаре решили обратиться к Ибрагиму, сыну Мемета, великому мудрецу, который жил тогда в Багдаде и блистал среди умных, как луна блещет между звёздами.

Ибрагим, сын Мемета, выслушал их внимательно, погладил бороду, помолчал, подумал и сказал:

— Кто сеет пшеницу, собирает пшеницу, а кто сеет просо, собирает просо. От злобы родится злоба, и от насилия — насилие. Лишь от кротости родится кротость. Ты, почтенный купец, посеял брань и получил удары, как от одного зерна рождаются целые колосья. Ты, не менее почтенный гражданин, хотел бить Ахмета, а он побил тебя. А деньги только развращают человека. Деньги — навоз и ещё больше унавозживают и без того навозную землю. Чем больше денег дают Ахмету одни, тем дерзче он обращается с другими. Надо бороться с Ахметом не этим.

— А чем же? — спросили мудреца.

— Кротостью! — ответил мудрец.

И все с удивлением посмотрели на Ибрагима, сына Мемета, который блистал между умными, как месяц блещет среди звёзд. И с луной бывают затмения!

Все купцы, знавшие толк в делах и в жизни, решили и подумали в мыслях своих:

«У Ибрагима, сына Мемета, ум зашёл за разум». Мудрец понял их мысли, улыбнулся снисходительно, как улыбаются мудрые, и сказал:

— Вот я пойду к Ахмету со словами кротости и, ручаюсь, Ахмет не будет вас больше беспокоить.

Весть о том, что сам Ибрагим, сын Мемета, идёт к Ахмету, разнеслась по Багдаду, и в Багдаде не было других разговоров на базарах, в банях, в цирюльнях и в гаремах, как только: — Чем это кончится? Кончилось всё благополучно.

Через четыре дня Ахмет больше не беспокоил никого из жителей Багдада.

А как случилось это, пусть расскажет сам Ибрагим, сын Мемета, что блистал среди умных, как полная луна блещет среди звёзд. Послушаем мудреца. Велик аллах!

Слаб и мал ум человеческий. Слава всемогущему, посылающему советы!

Я, Ибрагим, сын Мемета, последний из последних, слуга слуг, встал рано, вместе с солнцем, заседлал своего осла и поехал по дороге, на которой жил Ахмет, прозванный от народа Озорником.

В этот ранний час, когда полевые цветы, славя отца цветов и всего существующего, омываются росой, Ахмет совершал утреннее омовенье.

Видя проезжающего мимо человека с седой бородой, он выплеснул на него всю воду из чаши, облил меня с головы до ног и сказал:

— Что ты, старый пёс, поднимаешь так рано пыль на дороге? И пылишь на человека, который только что умылся?

Тогда я, Ибрагим, сын Мемета, остановил своего столика, сошёл с него, приблизился к Ахмету на два шага, коснулся рукой моего сердца, уст и чела, поклонился я сказал:

— Благодарю тебя, добрый человек!

Ахмет, который, видя, что я остановил осла, спешил и иду к нему, схватил было палку, — выронил её из рук и смотрел на меня во все глаза.

Он ожидал всего, но не благодарности.

А я развязал свой кошелёк, достал золотую монету, подал её Ахмету и сказал, рукою касаясь земли:

— Возьми это, добрый человек, как слабый знак моей благодарности. Радостью сердца моего было бы дать тебе больше, но у меня нет. Никогда ещё я так не сожалел, что у меня мало денег! Но на обратном пути я надеюсь уплатить тебе долг и подарить, по крайней мере, вдвое.

Изумлению Ахмета не было границ.

— За что же ты, однако, благодаришь меня? — спросил он.

Я отвечал:

— Из того, что борода моя седая, а солнце только что встало, ты видишь, что если я поднялся так рано, — значит, по очень важному делу. Не скрою, у меня, действительно, есть большое торговое дело в соседнем городе, и если

оно мне удастся, я смогу подарить тебе даже три золотых и четыре. Ты приложил свой труд, добрый человек, чтоб дело моё кончилось хорошо для меня, и я не нахожу на языке моем достаточно слов и в кошельке достаточно золота, чтоб отблагодарить тебя.

Ахмет ничего не понимал:

— Я приложил усилие, чтоб дело твоё кончилось благополучно?

Я ответил:

— Разве ты не знаешь, добрый человек, что быть облитым с головы до ног — самая верная примета? Когда человек едет по делу, самое лучшее предзнаменование для него, если его обольют с головы до ног. Ты, должно быть, приезжий, добрый человек, если не знаешь здешней приметы, которую в Багдаде знает каждый ребёнок.

Ахмет ответил:

— Я, действительно, приезжий, и не знаю. Но теперь я буду знать.

И я видел в глазах его радость.

На следующий день из Багдада проезжал со своей свитой наш визирь, да продлит небо его дни и наши под его властью!

Увидав едущего по дороге визиря, Ахмет сказал себе:

— Если какой-то несчастный старикашка подарил мне золотой да обещал подарить ещё два, а то и три, а может быть, и четыре, — как же осыплет меня золотом сам визирь?!

И когда визирь проезжал мимо, Ахмет, прозванный Озорником, подбежал и облил визиря водой с головы до ног. Да избавит аллах визиря от подобных происшествий! Визирь разгневался до пределов своего гнева. И приказал тут же, сейчас же, дать дерзкому двести ударов палками.

Приказания, которые исполняются на глазах у начальника, исполняются хорошо, — и Ахмету во время наказания раза три казалось, что приходит его смерть.

На следующий день я возвращался в Багдад, и, завидев меня, Ахмет бросился, закричал:

— А, проклятый старикашка, негодяй, который подвёл меня под удары!

Стащил с осла и стал колотить меня, Ибрагима, сына Мемета.

По силе ударов я мог судить, как же, должно быть, колотили его слуги визиря.

Когда Ахмет кончил меня бить, я встал с земли, развязал кошелёк, достал пять золотых и подал ему с поклоном.

— Дело моё кончилось с гораздо большим барышом, чем я ожидал. Я приписываю это только тому, что ты облил меня грязной водой, в которой совершал омовение. Примета оказалась верной. Кстати, скажи мне, добрый человек, ты облил визиря грязной или чистой водой?

— Конечно, самой чистой, ключевой! — ответил мне Ахмет.

— Подумай, самого визиря!

Я схватился за голову.

— О, сын несчастья! Как тяжело быть пришельцем в чужой стране! Что ты наделал?! Слыхал ли ты, что видеть во сне грязь — к деньгам?

— Слыхал! — отвечал мне Ахмет.

— А когда идёшь по делу, встретить по дороге арбу с навозом — предвещает удачу?

— Слыхал.

— Тебе следовало облить визиря помоями. Облить человека чистой водой, — предвещает несчастье. Ты видел это на себе: облил меня грязной водой — получил шесть золотых; облил визиря чистой, — ничего не получил, кроме палок. Зачем ты не спросил меня тогда, а я тебе не разъяснил!

Тут схватился за голову Ахмет, а я сел на своего осла и поехал в Багдад.

На другой день визирь возвращался обратно. Завидев его на дороге, Ахмет сказал себе:

— Сегодня я исправлю свою ошибку. Ты останешься доволен! И я. Ты получишь удовольствие, а я — цехины.

Он налил помоями полную большую лохань и, когда визирь поравнялся с его домом, подбежал и облил визиря помоями с головы до ног.

Гнев визиря перешёл пределы гнева.

— Это негодяй не унимается и становится дерзче день ото дня!

Визирь приказал слугам повесить Ахмета тут же, на месте.

Человек умирает скорей, чем рождается.

И через несколько мгновений тот, кто облил и бил меня, Ибрагима, сына Мемета, висел на дереве при дороге.

Так, не сказав ни слова, кроме слов кротости, я избавил вас от зла!

И все, слушавшие Ибрагима, сына Мемета, сказали:

— Велик тот, кто подаёт людям советы. Слово кротости многое может сделать, если сказать его умело.